

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
“ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ”:
ПОСТМОРТАЛЬНОЕ
В КРОССКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ
(отв. ред. — И.А. Морозов)**

© И.А. Морозов

**СМЕРТЬ И ПОСМЕРТНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ
В СОЦИАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ:
ЗАЧЕМ ЛЮДИ СОЗДАЮТ ПРАВИЛА ОБЩЕНИЯ
С МЕРТВЫМИ**

Ключевые слова: танатология, постмортальность, смерть в социальных стратегиях, кросскультурные исследования

Современные исследования концепций смерти и умирания в разных культурах и разных социальных средах демонстрируют нарастание разнонаправленных тенденций их развития в постиндустриальную эпоху. С одной стороны, под влиянием глобализации усиливаются процессы унификации и технологизации похоронно-погребальной обрядности, внедряются новые “экологические” способы захоронения умерших и традиции их почитания, зачастую значительно отличающиеся от принятых ранее. С другой стороны, продолжают поддерживаться многие традиционные верования о посмертном существовании и погребальные ритуалы. Более того, в ряде случаев можно говорить о своеобразном “возврате к архаике”, когда под видом инноваций в повседневность современных социумов возвращаются давно забытые практики и представления о сущности смерти. Потребностью понять закономерности происходящих процессов, их специфику в разных культурных средах и социальных группах продиктовано предпринятое нами исследование постмортального, разные аспекты проявления которого в современном мире отражены в статьях М.Л. Бутовской, Д.А. Дроновой, А.А. Закурдаева, И.А. Морозова, Л.А. Ткачук, Е.Г. Чесноковой, вошедших в специальную тему номера.

Есть ли жизнь после смерти? При всей парадоксальности этого вопроса он вовсе не лишен смысла. Даже порой не осознавая этого, мы прилагаем немало усилий,

Игорь Алексеевич Морозов | <http://orcid.org/0000-0002-1987-0706> | mianov@rambler.ru | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 18-18-00082]

Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 5–10. <https://doi.org/10.31857/S086954150004176-3>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

чтобы обеспечить свое посмертное существование. Многие наши жизненные поступки — от распределения наследства до создания семейных фотоальбомов — направлены на то, чтобы закрепить свой статус в последующей жизни наших близких. Данная подборка статей представляет собой исследование практик и верований, связанных с посмертным существованием в типологически разных культурных средах. Какова наша роль в семейной памяти или, если речь идет о выдающихся личностях, в жизни последующих поколений? Какова вообще роль постмортальности в жизни сообществ разного типа, и какое влияние оказывает комплекс представлений о сущности этого явления на поведение людей? Как эти представления используются в социальных и политических технологиях? Эти и другие вопросы оказываются в фокусе внимания данного блока статей. Усилия авторов сосредоточены на анализе сходств и различий ментальных и поведенческих стереотипов, обусловленных универсальными и специфическими формами коммуникации с умершими в разных культурах. Ритуальные и бытовые практики отражают представления об ином мире и о влиянии умерших на жизнь и судьбу их родственников и близких, что вызывает необходимость концептуализировать осмысление *современных форм похоронно-поминальной обрядности*, которые во многом оказываются возвратом к давно забытым верованиям. Массовое внедрение новых технологий на рынке ритуальных услуг приводит не только к трансформации традиционных способов погребения, но и к переосмыслению существующих практик коммуникации с умершими и появлению новых традиций по увековечиванию памяти. Существенное воздействие на эти процессы оказывают экологические и религиозные движения, которые ведут борьбу с такой “похоронной архаикой”, как открытые (“воздушные”) погребения, поминовения на кладбище на Пасху или “похоронный ислам”.

Проблематике смерти и похорон посвящена обширная археологическая, историческая, психологическая и социологическая литература. Различные способы коммуникации с умершими рассматривались при анализе магических ритуалов Д.Д. Фрэзером, Э.Б. Тайлором, М. Элиаде (в мировом масштабе), В. Маннхардтом (в Европе), Б. Малиновским (в Океании). В XX в. этой теме уделяли внимание многие известные исследователи традиционных культур, в т.ч. в рамках изучения особенностей “первобытного мышления” (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс). Подобные работы существуют и по отдельным народам мира. Однако в большинстве случаев авторы не рассматривают специально способы общения с умершими, включая эту информацию в общее описание похоронно-поминальных обрядов и ритуально-обрядовых практик. Важное место занимают историко-культурные исследования похоронно-поминальных обрядов в контексте отдельных эпох (Я. Буркхардт, Й. Хёйзинга, Ф. Арьес), а также работы по философской антропологии, посвященные проблематике смерти в культуре, — по танатологии (Янкелевич 1999). Представления об умирании (предуготовлении к смерти) и посмертном существовании в разных культурах определяют способы коммуникации с умершими, ритуальные практики и поведенческие стереотипы (ср.: Смирнов 1997; Седакова 2004; Suzuki 2014). Отдельного рассмотрения заслуживает изучение практик взаимодействия с умершими в контексте анализа больших и малых социальных групп, например исследования социальной специфики отношения к смерти (Bradbury 1997).

Данный блок статей включает работы о формах почитания умерших и поддержания/подтверждения с ними связи при помощи различных символических акций, образующих в своей совокупности культурно-специфические “правила смерти”, которые составляют важную часть культурного кода и могут изменяться в ходе социокультурных трансформаций. В статье И.А. Морозова и Л.А. Ткачук использование концептов “неправильного мертвеца” и “неправильного погребения” рассматривается как особая социальная и политическая технология, обеспечивающая поддержание социальной стратификации и регулирующая поведенческие стратегии. Имен-

но она позволяет формировать мировоззренческие модели в рамках господствующей идеологии, которая, в свою очередь, регламентирует характерные для данного сообщества “правила смерти”. Традиционным способам захоронения и коммуникации с умершими “неправильной” смертью (самоубийцами, утопленниками) либо с особыми категориями мертвецов (колдунами и ведьмами, путниками и др.) посвящены работы Д.К. Зеленина, а также исследования представителей этнолингвистической школы Н.И. Толстого. И.А. Морозов и Л.А. Ткачук останавливаются на современных практиках, использующих концепты “неправильной смерти”, “неправильного мертвеца” и “неправильных похорон”, — от анонимных захоронений террористов до используемых в современной туриндустрии путешествий в места коллективных убийств и катастроф (*dark tourism*), которые широко практикуются в последнее время (*Sharpley, Stone 2009; Stone et al. 2018*). В категорию “неправильных захоронений” попадают как мемориальные кладбища и установленные на них памятники советским солдатам, активно демонтируемые в последние годы в странах Восточной Европы, так и, например, мавзолей Ленина, тело которого с начала 1990-х годов предлагается захоронить “по христианским традициям”. Рассмотрение этих явлений в одном ряду позволяет отойти от уже устоявшихся интерпретаций (см., напр.: *Rader 2003*) и предложить их истолкование как особых социальных и политических технологий, имеющих глубокие культурно-исторические корни. Проанализированные в статье “огненные похороны” (крадирование), практикующиеся в сообществах неформалов и неоязычников-родноверов, демонстрируют возможности использования архаических практик для достижения групповой сплоченности, в т.ч. при помощи установления эмоционально окрашенных контактов с умершими, и выводят на проблематику новых парадигм постмортального, возникающих на наших глазах (*Jacobsen 2017*).

Идея посмертного существования на протяжении истории человечества по-разному концептуализировалась в разные эпохи и в разных культурах. Она представлена и в наши дни, в ряде случаев существенно влияя на повседневный и ритуально-обрядовый обиход и составляя важную часть системы мировоззрения. Речь идет не только о приверженцах религиозных течений, для которых земная жизнь во многом является проекцией посмертного существования (рай и ад), но и о тех, кто не ограничен рамками догматических идеологий, поскольку и для них очень важны как “правильные похороны”, так и поддержание коммуникативного баланса между живыми и мертвыми при помощи регулярного общения с умершими (помины, обустройство могил и уход за ними, посещение их на определенные праздники и т.п.), в т.ч. и в виде участия в различных акциях почитания погибших воинов или жертв геноцида.

Коммуникативные практики подобного рода могут иметь ярко выраженную этнокультурную специфику. Так, в статье А.А. Закурдаева основной акцент сделан на представлениях китайцев о духе человека при его жизни и после смерти, что позволяет живым осуществлять ритуальные коммуникации с умершими при погребении, обустройстве надмогильных сооружений и во время поминовений, приуроченных к годовым праздникам (Цинмин, Чжуньюань и Ханьи), объединенным под названием “Гуй цзе” — “Праздники духов”. Автор показал, что в традиционной картине мира китайца жизнь человека обусловлена взаимодействием в его теле духов “хунь” и “по”, являющихся производными от высших божественно-анимистических сил “шэнь” и “лин”. Появление духа мертвого (“гуй”) есть следствие прекращения взаимодействия духов в человеке. “Гуй” становится объектом заботы и попечительства со стороны живых потомков и соответствующего покровительства со стороны вышестоящих духов. Взаимодействие с утратившим функциональную связь духом налагает на китайское общество социальную обязанность почитания умерших и их божественных и анимистических покровителей.

В различных культурах общение с умершими (предками) имеет свою специфику и свою прагматику. Например, у русских и — шире — у славян способы коммуникаций с предками были вписаны в календарную обрядность и комплексы развлечений и ряженья, связанные с поворотными точками календаря, и направлены как на регулярное обновление контактов с умершими при помощи умиловительных жертв и ритуальных угощений для обеспечения “доли” жертвователей (урожая, приплода скота), так и на использование авторитета предков при регулировании предбрачных связей молодежи. А у малазийцев циклические (раз в 7 лет) коммуникации с мертвыми в форме перезахоронения — Фамадихана (малаг. *famadihana* — переворачивание костей) — связаны с традициями укрепления родственных связей (Graeber 2007: 181–222). Вместе с тем в имеющихся исследованиях уделяется недостаточно внимания ситуативно обусловленным эмоционально-личностным способам общения с умершими, например обращению к ним в экстремальных ситуациях или в повседневном быту. Эта проблематика затрагивается в статье М.Л. Бутовской и Д.А. Дроновой о церемониях поминовения усопших родственников у датога, в которых участвуют разные страты представителей датогского общества (клановые родственники, соседская община, исключительно женщины конкретных кланов и т.д.). Приведены примеры индивидуального общения с умершим и личные воспоминания информантов о том, как усопшие оказывали им помощь и поддержку в трудных обстоятельствах. Характер церемонии поминовения предков у датога определяется социальным статусом усопшего, его полом, положением в семейной иерархии и в сети родственных связей и четко отражает структуру современного датогского общества и способы взаимодействия членов сообщества с разными типами умерших. В этом контексте показательно особое отношение датога к погребению “неправильных мертвецов”: людей, не имеющих потомков, детей, а также убийц и тех, кто умер от болезней или во время военных действий и не был своевременно предан земле.

При общении с умершими очень важную роль играют локусы, связанные как с захоронениями, так и с церемониями поминовения, в первую очередь кладбища. Различные подходы к кладбищу как неотъемлемой части культурной истории и культурного ландшафта представлены в материалах конференции “Некрополь: кладбище как место мертвых и живых” (Fischer, Herzog 2005). В монографии Н. Фишера кладбища рассматриваются в контексте “памяти пейзажей” как “образцы материализованной культуры памяти” (Fischer 2016). Этому автору принадлежит также ряд работ по традиционным и современным погребальным практикам в Германии, в частности исследование “новой культуры захоронений” (Fischer 2013; ср. также: Auzelle 1965), отражающей важные трансформации социальных структур, усиление мобильности населения, что выливается в тенденцию “распространения культуры похорон и памяти в общественное пространство или свободный (природный) ландшафт” (Fischer 2013). В современных исследованиях кладбище часто представлено также как топос, включенный в процесс конструирования и поддержания локальной и семейной идентичности, где осуществляется передача культурных традиций и ценностей. Важность изучения мест погребения и их роли в социальной топологии подтверждают и российские исследователи (Мохов 2018). Как следует из статьи Е.Г. Чесноковой, на современном кладбище подобные места могут осмысляться как “частные территории”, не только выкупленные или сданные в аренду членам семьи усопшего, но и обладающие “социокультурной автономией”, на которую распространяются правила поведения, характерные для определенной конфессиональной, этнической или профессиональной группы (напр., мусульманские или воинские кладбища).

Таким образом, предлагаемый читателям блок статей призван выявить в первом приближении некоторые универсальные механизмы и локусы общения с умерши-

ми на примере типологически разных культур и представить методологические подходы к их описанию и интерпретации в рамках социальной и культурной антропологии.

Научная литература

- Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common Place, 2018.
- Седакова О.А. Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.
- Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Восточная литература, 1997.
- Янкевич В. Смерть. М.: Изд-во Литературного института, 1999.
- Auzelle R. Dernières demeures: conception, composition, réalisation du cimetière contemporain. Paris: R. Auzelle; Mazarine, 1965.
- Bradbury M. Representations of Death: A Social Psychological Perspective. N.Y.: Routledge, 1999.
- Fischer N. Neue Bestattungskultur: Tod, Trauer und Friedhof im Wandel. Kindle Direct Publishing, 2013.
- Fischer N. Gedächtnislandschaften in Geschichte und Gegenwart: Kulturwissenschaftliche Studien. Wiesbaden: Springer, 2016.
- Fischer N., Herzog M. (Hrsg.) Nekropolis: Der Friedhof als Ort der Toten und der Lebenden. Stuttgart: Kohlhammer W., 2005.
- Graeber D. Possibilities: Essays on Hierarchy, Rebellion, and Desire. Oakland: AK Press, 2007.
- Jacobsen M.H. Postmortal Society: Multidisciplinary Perspectives on Death, Survivalism and Immortality in Contemporary Culture. L.: Routledge, 2017.
- Rader O.B. Grab und Herrschaft: politischer Totenkult von Alexander dem Grossen bis Lenin. München: C.H. Beck Verlag, 2003.
- Sharpley R., Stone P.R. (eds.) Darker Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism. Bristol: Channel View Publications, 2009.
- Stone P., Hartmann R., Seaton T., Sharpley R., White L. (eds.) The Palgrave Handbook of Dark Tourism Studies. L.: Palgrave Macmillan, 2018.
- Suzuki H. (ed.) Death and Dying in Contemporary Japan. N.Y.: Routledge, 2013.

Editor's Introduction

Morozov, I.A. Death and Posthumous Existence in Social Strategies: Why People Create Rules for Communicating with the Dead [Smert' i posmertnoe sushchestvovanie v sotsial'nykh strategiakh: zachem liudi sozdaiut pravila obshcheniia s mertvymi]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 1, pp. 5–10. <https://doi.org/10.31857/S086954150004176-3> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Igor A. Morozov | <https://orcid.org/0000-0002-1987-0706> | mianov@rambler.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Thanatology, postmortality, death in social strategies, cross-cultural studies

Abstract

The article introduces a special theme of the issue on “Life after Death: A Cross-Cultural Aspect of the Postmortal” Modern studies of concepts of death and dying in different cultures and different social environments demonstrate an increase in multidirectional tendencies of their development in the post-industrial era. On the one hand, under the influence of globalization processes, the processes of

unification and technologization of the funeral and funeral rites intensify, and new “ecological” methods of burial and traditions of honoring the dead, often significantly different from the traditional ones, are introduced. On the other hand, many traditional beliefs about the after-death and burial rituals continue to be maintained. Moreover, in some cases it is possible to talk about a kind of “return to the archaic”, when, under the guise of innovation, old traditions and ideas about the nature of death and post-mortem existence return to the everyday life of modern societies. The need to understand the patterns of the processes taking place, their specificity in different cultural environments and social groups dictated the “postmortal” research that we undertook. Its various aspects are reflected in contributions by M.L. Butovskaya, D.A. Dronova, A.A. Zakurdaev, I.A. Morozov, L.A. Tkachuk, E.G. Chesnokova.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 18-18-00082]

References

- Auzelle, R. 1965. *Dernières demeures: conception, composition, réalisation du cimetière contemporain* [Last Residences: Conception, Composition, Realization of the Contemporary Cemetery]. Paris: R. Auzelle; Mazarine.
- Bradbury, M. 1999. *Representations of Death: A Social Psychological Perspective*. New York: Routledge.
- Fischer, N. 2013. *Neue Bestattungskultur: Tod, Trauer und Friedhof im Wandel* [New Burial Culture: Death, Grief and Graveyard in Transition]. Kindle Direct Publishing.
- Fischer, N. 2016. *Gedächtnislandschaften in Geschichte und Gegenwart: Kulturwissenschaftliche Studien* [Memory Landscapes in History and the Present: Cultural Studies]. Wiesbaden: Springer.
- Fischer, N., and M. Herzog, eds. 2005. *Nekropolis: Der Friedhof als Ort der Toten und der Lebenden* [Necropolis: The Cemetery as a Place of the Dead and the Living]. Stuttgart: Kohlhammer W.
- Graeber, D. 2007. *Possibilities: Essays on Hierarchy, Rebellion, and Desire*. Oakland: AK Press.
- Jacobsen, M.H. 2017. *Postmortal Society: Multidisciplinary Perspectives on Death, Survivalism and Immortality in Contemporary Culture*. London: Routledge.
- Mokhov, S. 2018. *Rozhdeniye i smert' pokhoronnoy industrii. Ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya* [Birth and Death of the Funeral Industry: From Medieval Graveyards to Digital Immortality]. Moscow: Common Place.
- Rader, O.B. 2003. *Grab und Herrschaft: politischer Totenkult von Alexander dem Grossen bis Lenin* [Grave and Dominance: Political Cult of the Dead from Alexander the Great to Lenin]. München: C. H. Beck Verlag.
- Sedakova, O.A. 2004. *Poetika obryada: pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Rite Poetics: Funerary Rites of the Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik.
- Sharpley, R., and P. R. Stone, eds. 2009. *Darker Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism*. Bristol: Channel View Publications.
- Smirnov, Yu.A. 1997. *Labirint. Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovaniye, teksty, slovar'* [Labyrinth: The Morphology of Intentional Burial: Study, Texts, Dictionary]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Stone, P., R. Hartmann, T. Seaton, R. Sharpley, and L. White, eds. 2018. *The Palgrave Handbook of Dark Tourism Studies*. London: Palgrave Macmillan.
- Suzuki, H., ed. 2013. *Death and Dying in Contemporary Japan*. New York: Routledge.
- Yankelevich, V. 1999. *Smert'* [Death]. Moscow: Izdatel'stvo Literaturnogo Instituta.